

Александр Валентинович Воронцов¹
vorontsovav@mail.ru

НАСЛЕДИЕ ЯПОНСКОГО КОЛОИАЛИЗМА — ПРИЧИНА АНТАГОНИЗМА МЕЖДУ КНДР И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

В статье исследуется влияние колониального наследия на современное состояние Северной и Южной Кореи. Выявляется, что в процессе изучения причин противостояния и антагонизма между КНДР и РК, как правило, выделяются противоречия, проистекающие из противоположных социально-экономических систем: свободно-рыночной и командно-плановой экономики, непримиримых мировоззренческих противоречий между коммунистической и капиталистической идеологиями и т.д. Широко освещается фактор критически важного влияния внешних сил, в первую очередь США и СССР, которые обвиняются в расколе Кореи, в том, что они привели к власти в столицах этих государств своих ставленников, вовлекли вновь возникшие сателлиты в орбиту своей глобальной политики и жёстко их удерживали на заданной траектории развития. При этом нередко на периферии внимания исследователей остаётся следующий фундаментальный фактор: одним из важнейших следствий японского колониального господства в Корее стал раскол поработённого общества по линии сопротивления/соглашательства с колониальным угнетением и борьбой за восстановление национальной независимости. В результате у истоков создания КНДР в 1948 г. стояли участники вооружённой борьбы против японской колониальной системы, а в Сеуле у власти оказались коллаборационисты — носители принципиально противоположных менталитетов по отношению к «святости» понятия национального суверенитета. Их потомки и сегодня находятся у власти в обоих государствах. Поэтому в настоящее время данный фактор остаётся одной из важнейших составляющих общего антагонистического восприятия друг друга политическими элитами КНДР и РК. Анализ вышеотмеченного феномена посвящена данная статья.

Ключевые слова: раскол Кореи, вооружённая антияпонская борьба, коллаборационисты, суверенитет нации, независимость государства.

Alexander V. Vorontsov¹
vorontsovav@mail.ru

THE LEGACY OF JAPANESE COLONIALISM IS THE CAUSE OF ANTAGONISM BETWEEN THE DPRK AND THE ROK

The article investigates the influence of colonial heritage on the current state of North and South Korea. It is revealed that in the process of studying the causes of confrontation and antagonism between the DPRK and the ROK, as a rule, contradictions stemming from opposite socio-economic systems are singled out: free-market and command-planned economies, irreconcilable worldview contradictions between communist and capitalist ideologies, etc. The factor of critical

¹ Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.
Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

influence of external forces, first of all, the USA and the USSR, which are accused of splitting Korea, of bringing their followers to power in the capitals of these states, of involving the newly emerged satellites in the orbit of their global policy and of rigidly keeping them on a given trajectory of development, is widely covered. At the same time, the following fundamental factor often remains on the periphery of researchers' attention. One of the most important consequences of Japanese colonial rule in Korea was the split of the enslaved society along the lines of resistance/agreement with colonial oppression and the struggle for the restoration of national independence. One of the most important consequences of Japanese colonial rule in Korea was the division of the enslaved society along the lines of resistance to acceptance of colonial oppression and the struggle for the restoration of national independence. As a result, participants of the armed struggle against the Japanese colonial system were at the origins of the creation of the DPRK in 1948, and collaborators with fundamentally opposite mentalities towards the "sanctity" of the concept of national sovereignty found themselves in power in Seoul. Their descendants are still in power in both states today. Therefore, at present this factor remains one of the most important components of the general antagonistic perception of each other by the political elites of the two states. This article is devoted to the analysis of the above phenomenon.

Keywords: division of Korea, armed anti-Japanese struggle, collaborators, sovereignty of the nation, independence of the state.

I. КРАТКИЙ ОБЗОР ЭРЫ КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА ЯПОНИИ В КОРЕЕ (1910—1945)

Большинство корейцев воспринимают колониальный период как национальную трагедию, источник болезненной психологической травмы, последствия которой проявляются в различных формах по сей день. В северокорейской литературе, в контексте ущерба для национального развития, среди наиболее тяжёлых потерь часто приводится тот факт, что в ходе японских репрессий против национально-освободительного движения погибли до 8 млн корейцев, занимавшихся каторжным трудом на японских предприятиях, шахтах, рудниках в Корее и в метрополии, включая Южный Сахалин. Многие корейцев принудительно мобилизовали в японскую армию на завершающем этапе Второй мировой войны. Особый резонанс в мире вызвала печальная судьба 200 тыс. корейнок — так называемых женщин комфорта, или сексуальных рабынь, насильственно завербованных в прифронтовые походные бордели японской армии.

Корея, которая в течение 2000 лет имела свою государственность, в начале XX в. стала особой японской колонией. В эпоху

колониализма она была единственной страной Востока, оказавшейся под колониальным господством не западной, а восточной державы — Японии, которая эксплуатировала её типично колониальными методами.

После установления протектората в 1905 г. и особенно после аннексии Кореи в 1910 г. Япония энергично взялась за её капиталистическое освоение. Управление страной вела от имени японского императора колониальная администрация во главе с японским генерал-губернатором. Рудники и леса, железные дороги и лёгкая промышленность, внешняя торговля Кореи — почти всё оказалось в руках японских компаний. Были созданы оптимальные условия для развития японского капитала, интересы которого защищала хорошо продуманная система военно-полицейского принуждения. К концу 1920-х гг. 90% всех капиталовложений в Корею принадлежало японским организациям, как и 3/5 всех промышленных предприятий.

Корейские рабочие подвергались жестокой эксплуатации. В аграрном секторе была проведена приватизация земли, значительная часть которой оказалась собственностью японцев.

Искусственно насаждался японский язык — в ущерб корейскому. С конца 1930-х гг. процесс насильственной ассимиляции вступил в завершающую стадию: корейский язык был запрещён в делопроизводстве, на почте, в общественном транспорте. Проводилась кампания по замене имён всего населения с корейских на японские.

Крупномасштабное народное восстание, начавшееся 1 марта 1919 г., было с трудом подавлено колонизаторами. В движении 1919 г. участвовало более 2 млн чел. Японские власти подавили восстание путём жестоких репрессий. Было убито почти 8 тыс. и арестовано более 50 тыс. корейцев.

Силы национально-освободительного движения внутри Кореи, в том числе вооружённого, были подавлены и вытеснены на периферию, в соседние с полуостровом регионы — Китай и российский Дальний Восток. Добиться восстановления национальной независимости своими силами корейский народ в тот исторический период был не в состоянии. Полное освобождение от колониального гнёта принесли в августе 1945 г. войска союзников, разгромившие японский милитаризм. Важно отметить, что за освобождение территорий собственно Кореи сражалась только Красная армия Советского Союза.

При этом Япония, в целях своего национального развития, осуществила в колониальную эпоху широкие шаги по индустриализации Кореи, нацеленной прежде всего на удовлетворение военных потребностей, развитие инфраструктуры и т.д. Данное обстоятельство стало основанием для появления в последние десятилетия в Южной Корее попыток позитивно оценить японское колониальное наследие.

До недавнего времени колониальный период истории Кореи и в РК, и в КНДР был обозначен как «время страданий корейского народа». В Северной Корее он рассматривается с таких позиций до сих пор. На Юге же с конца 1980-х гг. распространяется концепция о том, что колониальный период не был лишь «тёмными веками» в истории Кореи. В РК развернулась острая дискуссия между сторонниками «теории колониальной модернизации»

и «теории колониальной эксплуатации». Приверженцы первой, опираясь на факты, что средние темпы роста корейской экономики в колониальную эру (1910—1945) составляли 3,7%, утверждают, что японский колониализм фактически подготовил базу для дальнейшего развития корейской экономики уже после освобождения в 1945 г. и посредством «развития через эксплуатацию» чуть ли не подготовил фундамент для последующего «экономического чуда» Южной Кореи [3, с. 179]. Сторонники концепции «колониальной модернизации» не являются пока мейнстримом в южнокорейском обществе, но их позиции заметно усилились при нынешнем президенте Юн Сок Ёле, стремящемся форсированно улучшить отношения с Токио, для чего он готов закрыть глаза на ряд тёмных страниц колониального прошлого.

II. КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР АНТАГОНИЗМА МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ КОРЕИ

Сорокалетний период колониального господства Японии над Кореей (включая первоначальный пятилетний отрезок протектората) завершился, как известно, в 1945 г. Оба корейских государства за прошедшие с этой даты десятилетия достигли признания на международной арене, добились вызывающих в мире заслуженное уважение значительных успехов. РК, совершившая «экономическое чудо», стала крупной торгово-экономической державой, находящейся на передовых рубежах научно-технического прогресса, в лидерах компьютерных технологий, а также и в числе ведущих экспортёров оружия и военно-технической продукции.

КНДР является одним из немногих государств в современном мире, обладающих реальным полноформатным суверенитетом, все эти годы последовательно реализует независимую внешнюю политику, идёт самобытным путём общественно-политического развития и, невзирая на мощное длительное давление со стороны США и других стран Запада, многочисленные экономические сложности, создало сильное в военно-промышлен-

ном отношении государство, с внушительным ракетно-ядерным потенциалом, с которым вынуждены считаться и Вашингтон, и его союзники.

Тем не менее вопрос колониального прошлого не только занимает важное место в исторических, политологических исследованиях на севере и юге Корейского полуострова, но и остаётся злободневной проблемой повседневной жизни современных КНДР и РК. В обеих странах, особенно в Южной Корее, осуществляются многочисленные исследования в широком спектре гуманитарных наук, сформировались различные школы на базе неодинаковых оценок колониального наследия, между которыми часто ведётся жаркая дискуссия.

Данная проблематика постоянно привлекает внимание многих ведущих зарубежных и отечественных корееведов. В их работах интересно и профессионально изучаются различные существенные аспекты национально-освободительной борьбы корейской нации, колониального прошлого, то, как «родимые пятна» последнего проявляются в повседневной жизни современной Кореи.

Вместе с этим, на наш взгляд, за пределами или на периферии внимания многих авторов остаётся один сущностный краеугольный фактор, в решительной степени определивший пути развития КНДР и РК и напрямую связанный с их колониальным прошлым.

Мы имеем в виду следующее. Когда объясняются истоки появления двух корейских государств, истоки их непримиримого антагонизма и др., прежде всего называется широкий спектр причин. Среди них — решающее влияние внешних сил: мол, США и СССР виновны в расколе Кореи, они привели к власти в столицах этих государств своих ставленников, вовлекли вновь возникшие сателлиты в орбиту своей глобальной политики и жёстко их удерживали на заданной траектории развития. Следовательно, главные причины конфронтации между Пхеньяном и Сеулом проистекают из их противоположных социально-экономических систем: свободно-рыночной и командно-плановой экономик, непримиримых

мировоззренческих противоречий между коммунистической и капиталистической идеологиями и т.д.

Безусловно, все вышеотмеченные категории и обстоятельства реально существуют и играют весьма существенную роль в жизни обоих корейских государств.

Тем не менее, по нашему мнению, гораздо реже и без должной меры акцентирования и чеканности формулировок упоминается следующий фундаментальный фактор. Критически важным, поистине судьбоносным событием стало то, что в 1945 г. к власти в Северной Корее с помощью Советской армии пришли корейцы, которые, рискуя жизнью, теряя товарищей в суровых условиях гор и тайги северных районов Кореи и Маньчжурии, длительное время с оружием в руках сражались против японских колониальных угнетателей за восстановление национальной независимости родины, а в Южной Корее военная администрация США сделала опорой корейских коллаборационистов, те слои местной элиты, которые в колониальный период, являясь проводниками политики японской метрополии, нажили свои состояния и ощущали себя вполне комфортно.

Примечательно, что мимо этого важнейшего обстоятельства, базового различия в мировоззрениях по вопросу о национальном суверенитете отцов-основателей КНДР и РК не смог пройти профессор университета Чикаго, известный американский учёный, признанный в том числе и в Южной Корее, авторитет по проблемам современной истории Кореи, Корейской войны и др. Брюс Камингс. Он, выступая против утвердившихся в США однозначно негативных оценок в отношении Ким Ир Сена и его сподвижников — партизан, против сложившегося мейнстрима, последовательно обращаясь к данному феномену в ряде своих книг, исследуя его с различных ракурсов, и пришёл к нетривиальным выводам. Приведём некоторые из них: «Корейская война, в настоящее время широко рассматриваемая как гражданская война, зародилась в 1930-х, если не раньше. Представьте теперь, что думает враг. Их лидеры сражались с японскими милитаристами долго

и упорно в дребнях мёрзлой Маньчжурии уже целое десятилетие. Это была действительно безжалостная и неумолимая борьба, но та, которая отделила их от всех, кроме горстки других корейцев, в 1945 г. и, по их мнению, завещала им своё право на власть. Единственным царствующим знаком истины и справедливости было то, что те, кто пожертвовал всем в борьбе против японских империалистов, унаследуют родину, а те, кто служил этому японскому врагу, получают по заслугам.

Северный ветер был сильнее по прошествии пяти лет, с закалёнными солдатами, и поэтому они сделали то, что хотела сделать и более слабая сторона, а именно — использовать новую, массовую армию, которой не хватало корейцам в течение десятилетий колониального забвения, чтобы атаковать и уничтожить другую сторону. Так бы и случилось, и почти произошло, в течение нескольких недель. Но тем не менее нашествие невольно сыграло на руку Соединённым Штатам, которые в силу своих очень разных причин вступили в битву — и вырвали корейское поражение из рук победы» [9, p. 210].

Б. Камингс также выражал уверенность в том, что по тем же причинам и до начала Корейской войны во внутрикорейском балансе политических сил позиции представителей левого лагеря были преобладающими. «Если бы американцы и русские ушли из Кореи, к власти быстро пришёл бы левый режим, и это было бы революционное националистическое правительство, которое со временем умерило бы свой пыл и вернулось в мировое сообщество — как это сделал Китай, как это делает сегодня Вьетнам» [8, p. 208]. Объясняя эту реальность, американский учёный даёт откровенную характеристику компрадорской элите Кореи того периода: «Проблема заключалась в том, что в корейском обществе не было базы ни для либеральной, ни для демократической партии в американском понимании; население включало в себя подавляющее большинство, которое составляли бедные крестьяне, и ничтожное меньшинство, владевшее большей частью богатств: землевладельцы, которые и являлись реальной основой КДП. Элита корейского общества в колониальный

период, почти вся она, по общему мнению, жирела под колониальным господством, в то время как все остальные страдали. Историческая документация не может быть более чёткой: Соединённые Штаты вмешались от имени самой малочисленной группы населения Кореи, а не „самой отдельной большой группы“ полковника Ниста и помогли увековечить её привилегии» [8, p. 203].

Лидеры этих же антагонистически непримиримых групп корейской элиты создали в 1948 г. государства сначала на Юге, а затем на Севере: РК и КНДР. Их потомки находятся у власти и в настоящее время, и в Пхеньяне (напрямую), и в Сеуле (в более опосредованной форме). Очевидно, что представители этих пластов корейского общества являются носителями принципиально различных мировоззренческих идеалов, менталитетов, обладают в корне иными психологиями.

До известной степени упрощая реальную сложную, многогранную историческую картину, но не сильно погрешив против истины, можно утверждать, что на Севере для отцов-основателей КНДР и их прямых потомков сегодня принципы национального суверенитета и безоговорочной независимости их государства и нации являются абсолютным незыблемым приоритетом, задачей номер один при всех катаклизмах и жёстких испытаниях, многократно тестиовавших на прочность созданную ими государственную конструкцию. В таком же духе, естественно, формировалось общественное мнение и мироощущение всей нации.

Одним из убедительных примеров молчаливого признания в мире феномена полноценной суверенности КНДР и его высокой значимости для корейцев стал факт добровольного переселения в 1960—1970-х гг. из благополучной Японии в Северную Корею на постоянное жительство около 100 тыс. корейцев, что составляло почти 20% от общей численности их общины в Стране восходящего солнца. (Официально программа переселения осуществлялась в период 1959—1984 гг.) Вспомним, что в те годы совершающая экономическое чудо Япония уверенно уходила в научно-технический отрыв от всего

мира. Мы встречали в научной и публицистической литературе различные интерпретации этого события. Тем не менее массовое переселение пренебрегших более высоким материальным достатком корейцев на север, а не на юг Корейского полуострова свершилось. И одним из главных побудительных мотивов для этих достаточно хорошо образованных людей стал факт неоспоримой полноформатной самостоятельности КНДР, которую Ким Ир Сен убедительно демонстрировал на международной арене, в том числе и в отношении своих главных союзников в лице СССР и КНР. И данный феномен значил для очень многих переживших глубокую душевную травму колониального угнетения корейцев больше, чем материальные блага.

В КНДР в ходе эволюции нарратива о героизме и «святости» антияпонского вооружённого сопротивления сформировалась концепция о великой партизанской семье, ставшей ядром антияпонских партизан, базировавшейся на горе Пэктусан, из состава которой только и могут появляться великие лидеры Северной Кореи. Очевидно, что данный нарратив служит фундаментом легитимации династии, основанной Ким Ир Сенем, в трёх поколениях находящейся у власти в КНДР.

На юге Кореи, опять же если описывать ситуацию с известными упрощениями, сложилась и продолжает воспроизводиться прямо противоположная психологическая и мировоззренческая парадигма и атмосфера. Большую часть правящего класса в РК составляют потомки тех компрадорских групп элиты, которые успешно сотрудничали с японской колониальной администрацией и обслуживали её, гармонично встроившись в созданную Японией в Корее социально-экономическую систему. Встретив после поражения Японской империи в 1945 г. на юге полуострова сменившего её иного гегемона в лице США, данная часть элиты корейского общества без особого внутреннего дискомфорта быстро встроилась на правах младшего партнёра в новую систему координат, сформированную новым союзником.

Одним из проявлений укоренившейся среди определённой части южнокорейского общества подобной психологии могут служить рассуждения некоторых её представителей в следующем духе: а зачем нам самим изобретать колесо, напрягаться с целью сформировать адекватный ответ на очередной внешнеполитический вызов, когда у нас есть старший союзник в лице США, у которых гораздо больше познаний и опыта в международных делах и которые в любом случае сумеют лучше нас выбрать правильный шаг и найти лучший выход из ситуации. Поэтому пусть Вашингтон выработает соответствующий курс, а мы будем ему следовать, и именно такой подход наилучшим образом будет служить нашим национальным интересам.

Автор данных строк встречал подобные рассуждения в дискуссиях с отдельными собеседниками в Южной Корее, но никогда — в КНДР. Более того, нам даже трудно представить, что кто-то в любой страте северокорейского общества мог бы думать в подобном философском, психологическом ключе.

Эту проблему интеллектуально-психологической зависимости и, соответственно, уязвимости части южнокорейского общества осознают не только лидеры общественного мнения, но и некоторые политические деятели РК. Наиболее серьёзная попытка скорректировать сложившуюся историческую несправедливость и деформацию была предпринята девятым президентом Республики Корея Но Му Хёном. По его инициативе в 2004 г. в РК был принят специальный закон об установлении истины о прояпонской антинародной деятельности в период японской оккупации, создан соответствующий комитет, проработавший четыре года. В круг задач организации включались сбор информации о корейских коллаборационистах, восстановление исторической справедливости в отношении лиц, пострадавших от акций прояпонских деятелей в тот период, и т.д. [4, с. 99—103].

Предпринимались даже отдельные попытки конфисковать собственность, незаконно нажитую прояпонскими компрадорами, т.е. отобрать участки земли у их

потомков. Правоконсервативные силы обвинили президента-прогрессиста в популизме, в стремлении в интересах внутриполитической борьбы использовать данный инструмент для ослабления позиций своих противников-консерваторов, тесно связанных с авторитарными правительствами в прошлом, и т.д. В итоге результаты деятельности комитета оказались ограниченными, а сама такая практика — единственным экспериментом.

Российские авторы обоснованно выделяют и анализируют три составляющие в колониальной травме корейской нации: «Мы считаем возможным разделить нарративы о колониальной травме на три комплекса: нарратив об утрате независимости вследствие аннексии Кореи Японией (1910 г.), нарратив об обретении независимости „из чужих рук“ (1945 г.), нарратив о разделении народа вследствие противостояния великих держав и о борьбе за объединение полуострова (период холодной войны — настоящее время). Эти нарративы развиваются вокруг преодоления тягот прошлого (и настоящего) ради будущего. Тяготы прошлого — это преодоление исторических обстоятельств травмы (т.е. борьба за независимость). Тяготы настоящего — это преодоление социально-психологических обстоятельств травмы (т.е. преодоление „колониальной ментальности“»)» [5, с. 50].

В рамках нашего исследования кратко остановимся на одном из них — травме получения независимости из рук внешних сил. С целью повысить значение усилий собственно корейского народа в национально-освободительной борьбе правящим классом, прежде всего РК, предпринимаются разнообразные действия, в том числе активно используются международные коммеморативные практики. Как отмечал ещё Брюс Камингс, среди корейской элиты той эпохи активных, тем более героических борцов национально-освободительного движения найти трудно, их приходится искать в идеологически чуждом и географически ином пространстве — в лагере левых сил. «Главной проблемой консерваторов было отсутствие у них националистических качеств. Поэтому они хотели вернуть некоторых

националистов, находившихся в изгнании, которые сопротивлялись японцам, и в то же время держать на расстоянии гораздо более многочисленных ссыльных коммунистов в изгнании. Им удалось убедить Ходжа в том, что Сингман Ри в США и Ким Ку в Китае (всё ещё находившийся в столице военного времени Нанкине вместе с Чан Кай-ши) должны быть возвращены, чтобы возглавить южных консерваторов. С Ри проблем не было, так как он подружился с людьми из разведки военного времени в Вашингтоне и в Китае, и они уже пытались вернуть его в Сеул» [9, р. 204].

Поэтому и современные политики, стремящиеся решить задачу повышения субъектности корейцев за счёт усиления роли собственного вклада корейских патриотов в миссии освобождения от японского колониального ига, вынуждены искать «своих» героев, сражавшихся против японцев в других землях и под иными знамёнами. Среди участников корейского коммунистического движения и примыкающих к нему левых политических кругов было немало ярких боевых личностей, беззаветно сражавшихся против японской оккупационной армии. Но захоронены их останки в большинстве своём на территории стран, входивших в состав СССР. Одни из них — Хон Бом До и Ке Бону, упокоившиеся в земле Казахстана, прах которых в 2021 г. был перенесён в РК.

Хон Бом До — храбрый, талантливый и успешный партизанский командир, нанёсший немало поражений японским колониальным войскам на севере Кореи, в Маньчжурии и на Дальнем Востоке России в период 1907—1921 гг. При этом он стал членом российской Коммунистической партии (ВКП(б)) и командиром Красной армии. Его фото в форме красноармейца в будёновке, снятое в Москве в 1922 г., стало наиболее известным, именно оно было использовано для выпуска памятной марки РК, размещено в увеличенном масштабе на фасаде одного из правительственных зданий в центре Сеула в период торжественного перезахоронения останков в 2021 г. и т.д.

Данный сюжет заслуживает внимания в том числе и потому, что он ярко высве-

тил, насколько актуальны мотивы колониального прошлого и исторической памяти в современной политической жизни Южной Кореи. Президент РК Мун Чже Ин с подчёркнутыми почестями осуществил перенос праха героя из Казахстана в Южную Корею (хотя Хон Бом До родился на севере Кореи, в пров. Пхённан, где находятся могилы его предков). Мун Чже Ин вместе с первой леди лично встречал останки героя антияпонской борьбы в аэропорту Сеула, его бюст был установлен в Корейской военной академии. Но! Сменивший Мун Чже Ина на президентском посту представитель правоохранительных сил нынешний руководитель страны Юн Сок Ёль, известный также своим японофильским настроем, в августе 2023 г. принял решение убрать бюст Хон Бом До из военной академии из-за «сомнительного прошлого» последнего, чем вызвал громкий скандал в стране, значительная часть населения которой усмотрела в данных действиях властей проявление маккартизма [6, с. 6—7].

В рамках нашего обзора данный драматический эпизод важен в следующем измерении. В настоящее время у руководства страны вновь оказались силы, являющиеся духовными наследниками той части элиты корейского общества, которая сотрудничала с японской колониальной администрацией до освобождения Кореи. В том числе и поэтому нынешняя администрация РК выстраивает политику в отношении Японии на основе принципа «забудем прошлое, сфокусируемся на будущем», старательно избегает упоминаний о трагическом колониальном

прошлом, стремясь форсировать сближение с островным соседом. Относительно жизнеспособности и долгосрочности подобного подхода существуют серьёзные сомнения как в южнокорейском обществе, так и среди прагматичных политиков в Токио, но факт состоит в том, что сегодня герои антияпонской вооружённой борьбы, такие как Хон Бом До, вновь чувствуют себя неуютно на юге Кореи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрения указанной темы, считаем необходимым подчеркнуть, что ни в коем случае нельзя недооценивать исследованный в данной статье феномен. А именно то, что одним из важнейших следствий японского колониального господства в Корее стал раскол поработщённого общества по линии сопротивления и борьбы за восстановление национальной независимости или соглашения с колониальным угнетением. В результате у истоков создания КНДР в 1948 г. стояли участники вооружённой борьбы против японской колониальной системы, а в Сеуле у власти оказались коллаборационисты — носители принципиально противоположных менталитетов по отношению к «святости» понятия национального суверенитета. Их потомки и сегодня находятся у власти в обоих государствах. Поэтому в настоящее время данный фактор стал и остаётся одной из важнейших составляющих общего антагонистического восприятия друг друга политическими элитами РК и КНДР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов К.В., Соловьёв А.В., Лебедев В.В. Элементы домодерна, модерна и постмодерна в политическом мифе КНДР: опыт конструктивистского анализа // Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура / под общ. ред. Р. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022. С. 116—139.
2. Иванов К.В. Исторические проблемы Кореи периода 1905—1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей»: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2014. 267 с.
3. Ким Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // ВОСТОК (ORIENT). 2014. № 3. С. 177—185.

4. Ким Н.Н. Президент Но Мухён (2003—2008): в поисках новых путей развития Республики Корея. Изд. 2-е, испр. М.: ИВ РАН, 2023. 266 с.
5. Ким Н.Н., Соловьёв А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // *Международная аналитика*. 2023. № 14 (2). С. 49—72.
6. Комментарий ARRC: Герой с «неправильным прошлым» генерал Хон Бом До. 05.09.2023. URL: <https://asiarisk.org/novosti/343-kommentarij-arrc-geroj-s-nepravilnym-proshlym-general-khon-bom-do> (дата обращения: 24.11.2023).
7. Ланьков А.Н. Историческая память о колониализме и национально-освободительном движении как фактор политической легитимизации в Северной и Южной Корее // *Учёные записки Сахалинского государственного университета*. 2017. № 13—14. С. 141—147.
8. Cummings B. *Korea's Place in the Sun: A Modern History*. Updated ed. New York, 2005. 619 p.
9. Cummings B. *The Korean War: A History*. Modern library ed. New York, 2010. 252 p.

REFERENCES

1. Asmolv K.V., Solov'ev A.V., Lebedev V.V. Elementy domoderna, moderna i postmoderna v politicheskom mife KNDR: opyt konstruktivistskogo analiza [Elements of Pre-modern, Modern and Post-modern in the Political Myth of the DPRK: the Experience of Constructivist Analysis]. *Modernizatsiya Korei: politika, ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture]. General ed. by R. Tangalychiev. Moscow, VTsIOM Publ., 2022, pp. 116—139. (In Russ.)
2. Ivanov K.V. *Istoricheskie problemy Korei perioda 1905—1945 gg. i ikh sovremennoe nasledie: kolonial'naya modernizatsiya, assimilyatsiya koreytssev i problema «proyaponskikh deyatel'ev»*: dis. ... kand. ist. nauk [Historical Problems of Korea in Period 1905—1945 and Their Modern Legacy: Colonial Modernization, Assimilation of Koreans and the Problem of “Pro-Japanese Figures”]. PhD in hist. sci. diss.]. Irkutsk, 2014, 267 p. (In Russ.)
3. Kim N.N. Kritika teorii kolonial'noy modernizatsii Korei: podkhody i otsenki v sovremennoy yuzhnokoreyskoy istoriografii [Critique of the Theory of Colonial Modernisation of Korea: Approaches and Assessments in Modern South Korean Historiography]. *VOSTOK (ORIENS)*, 2014, no. 3, pp. 177—185. (In Russ.)
4. Kim N.N. *Prezident No Mukhen (2003—2008): v poiskakh novykh putey razvitiya Respubliki Koreya*. Izd. 2-e, ispr. [President Roh Moo-hyun's (2003—2008): Quest for New Ways to Develop the Republic of Korea. 2nd ed.]. Moscow, IV RAN Publ., 2023, 266 p. (In Russ.)
5. Kim N.N., Solov'ev A.V. Antikolonial'nye i postkolonial'nye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya [Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 2023, no. 14 (2), pp. 49—72. (In Russ.)
6. *Kommentariy ARRC: Geroy s «nepravil'nyim proshlym» general Khon Bom Do* [ARRC Commentary: A Hero with a “Wrong Past” General Hong Bom Do]. September 5, 2023. Available at: <https://asiarisk.org/novosti/343-kommentarij-arrc-geroj-s-nepravilnym-proshlym-general-khon-bom-do> (accessed 24.11.2023). (In Russ.)
7. Lan'kov A.N. Istoricheskaya pamyat' o kolonializme i natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii kak faktor politicheskoy legitimizatsii v Severnoy i Yuzhnoy Koree [Historical Memory of Colonialism and National-Liberation Movement as a Factor of Political Legitimation in North Korea and South Korea]. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 13—14, pp. 141—147. (In Russ.)
8. Cummings B. *Korea's Place in the Sun: A Modern History*. Updated ed. New York, 2005, 619 p. (In Eng.)
9. Cummings B. *The Korean War: A History*. Modern library ed. New York, 2010, 252 p. (In Eng.)